

Как видно уже из этой части, весь дневник - сплошные призывы к самосовершенствованию, прежде всего к воспитанию силы воли. Эти письменные призывы, обращенные к самому себе, были для меня чем-то вроде молитвы, средством самовнушения.

Тяга эта к самовоспитанию обнаружилась как-то вдруг, как раз тогда, когда я познакомился с Галкой, но не ясно - до того или после ...

С ней я познакомился осенью 1958 года, когда я учился в девятом классе, и вплоть до лета она заменила мне всех моих приятелей, в том числе и Тольку. Наше времяпровождение сводилось к разговорам и к чтению вслух в её комнате. Наши отношения были пропитаны какой-то томительной теплотой, мы даже целовались, но голова от этия поцелуев у меня не кружилась, и особенных восторгов я не испытывал. Но приятно было.

Весной я увлекся футболом, играл чаще вратарём. Играли самозабвенно, в любую погоду. Я бросался за мячами в грязь и приносил на штанах домой изрядное её количество. Мама всё отстирывала и при этом не ругалась - мои спортивные увлечения она всячески поощряла, как, впрочем, и любые другие, способствовавшие, на её взгляд, моему умственному или физическому развитию.

Много играл я и в настольный теннис. Стол стоял у нас во дворе, а соперниками были Сашка Чесноков, Вавка Караванов, Валерка Долгополов, Мишка Савловский. В футболе и настольном теннисе я своим сверстникам не уступал (а популярны среди них были ещё баскетбол и большой теннис, благо корты "Спартака" были рядом с нашей школой), причём в футболе я любил играть и в нападении, но ценился прежде всего как вратарь. В этом моём умении мне отдавали должное и в студенческие годы: приглашали играть за сборную факультета, а однажды за сборную немцев-физиков против немцев-нефизиков. Правда, в школе у меня был конкурент - Вовка Петров, который играл вратарём в юношеской команде "Балтики", я же был диким футболистом.

Играю в настольный теннис

Осенью 1958 года я заинтересовался футбольными репортажами с первенства Союза, которые вёл Вадим Синявский, и даже стал записывать составы команд в тех играх, которые транслировались по радио. А следующим летом, будучи на каникулах в Ленинграде - Сестрорецке, я впервые попал на настоящий футбольный матч класса "А" "Зенит" - "Шахтёр". Игра проходила на стадионе имени Кирова, возил на стадион меня, Сашку Шаброва и своих сыновей Вовку и Кольку дядя Сережа Мороз. Матч захватил меня. Ленинградский "Зенит" (а мы, конечно, болели за него) по ходу игры проигрывал 0:1, затем 1:2, но всё же вырвал победу - 3:2! Решающий гол забил Лёва Бурчалкин, которого выпустили на замену в конце игры. Ему было в то время 20 лет, невысокого роста, рыжий, он играл на левом краю, был весьма техничен, как положено крайнему нападающему, а главное - заводной, азартный, неутомимый! Публика скандировала ему (он уже тогда стал её любимцем): "Бурчалкин, выручай!" И он выручил. И выручал ещё во многих матчах. Играл за "Зенит" лет десять и все эти годы был лидером, душой зенитовских атак. Я восхищался им и любил всем сердцем, в нём не было ничего пижонского, любовь к игре и преданность футболу чувствовались в каждом матче. Благодаря Лёве, я оставался верным "Зениту" и все последующие годы, когда "Зенит" барахтался на дне турнирной таблицы, правдами и неправдами удерживаясь в классе "А", переименованном потом в высшую лигу.

Болельщики (Морозы) под табло стадиона им.Кирова на матче "Зенит"- "Шахтёр", август 1959 г.

Сашка Шабров и Колька Мороз после матча "Зенит"-"Шахтёр"

Когда летом 1957 года мы ездили в Севастополь, то по дороге день или два провели в Москве вместе с мамиными друзьями детства, бывшими сестроретчанами - Алькой и Севкой - Олегом Марковичем Белаковским и Всеволодом Михайловичем Бобровым. Они учились вместе с мамой в одной школе, Алька в том же классе, а Севка в параллельном. Одно время Алька ухаживал за мамой, приятельские отношения они поддерживали всю жизнь, и папа, по-моему, ревновал маму к Белаковскому. Все трое были одногодками, Бобров умер скоропостижно, через несколько месяцев после смерти мамы... Одно время Белаковский и Бобров вместе играли за футбольную команду сестрорецкого завода имени Воскова, а после войны связали свои жизни с футбольными и хоккейными командами ЦСКА (Бобров, впрочем, играл ещё и за ВВС, и за "Спартак", и тренировал "Спартак", но имя себе сделал в ЦСКА), Белаковский окончил Военно-медицинскую академию и впоследствии долгое время состоял врачом при футбольной и хоккейной командах ЦСКА и сборной страны, а Бобров - первый сестрорецкий хулиган, по маминым рассказам, стал

суперзвездой советского футбола и хоккея, возможно, что даже самой яркой, в хоккее, по крайней мере.

В тот день мы ездили на бобровской "Победе" купаться на Москву-реку, а потом на Ленинские горы, где недавно был отстроен Университет, а внизу - Лужниковский стадион и Дворец спорта. Сохранились фотографии всей компании, которую я снимал не утерянным тогда ещё "Зенитом", в их числе - Бобров у своей "Победы" в длинных чёрных сатиновых трусах с корявыми коленками, перенесшими не одну операцию.

Бобров на Москва-реке, июль 1957 г.

Люба, Олег Маркович Белаковский, мама, Всеволод Михайлович Бобров и папа на Москве-реке, июль 1957 г.

Знакомство с прославленными армейцами и даже поездки в одном автобусе с командой на игры (дублёров и основного состава) с "Зенитом" всё же не сделало меня болельщиком ЦСКА, также как и полугрузинское происхождение - болельщиком тбилисского "Динамо", хотя игра грузинских футболистов всегда импонировала мне своей элегантностью. А вот болельщиком "Зенита" меня сделал не столько ленинградский патриотизм, сколько отношение к футбольному делу Лёвы Бурчалкина, и в студенческие годы я не пропускал ни одной игры "Зенита" в Ленинграде.

Помимо хождений на игры "Зенита" и практической собственной игры моё увлечение футболом проявлялось в занятиях футбольной статистикой. В специальных толстых тетрадях я записывал составы команд и авторов голов (по отчётам в "Советском спорте") во всех матчах класса "А" в течение нескольких лет, и был большой докой по части того, кто с кем и как сыграли, и кто забивал голы.

На Ленинских горах, июль 1957 г.

(продолжение следует)